

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2023 № 4 (30)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2023. № 4 (30)

Издается с 2016 г.

изменяя походки, с выражением деловой озабоченности, зорко оценив невзрачные подробности, пройти роман и оказаться на параллельной улице, в другом романе. Говоря строго, это не анализ, который и впрямь не к лицу фланеру, а испытующий взгляд, подскок удивленных бровей, моментальный профессиональный прищур. Но в литературе часовые стрелки начинают двигаться, только когда на них смотришь, как это происходило, по клятвенному уверению Безродного, на тартуской ратуше. Самолюбивый пешеход правила прохода соблюдает...

Роман Тименчик

Мы встретились сравнительно поздно, уже в этом веке, когда Миша был в Штатах, заехал в Лос-Анджелес и выступил с лекциями в UCLA и у нас в USC. Я, конечно, уже знал его «Конец цитаты», местами наизусть, например: «Эту смертную муку — мировую тоску — обменять бы на мирную скуку. А коня на скаку повесить на первом суку. Как последнюю суку». Мы стали переписываться по имейлу, и оказалось что иной новый друг стоит старых двух. (А шаги звучат — мои друзья уходят...)

Вживе мы опять увиделись в сентябре 2007-го, на конференции по авангарду в Белграде, устроенной Корнелией Ичин. А с тех пор переписывались и презумливались и последние десяток лет более или менее регулярно, раз в пару месяцев, общались по Скайпу — часами. Миша рассказывал о своей былой и теперешней жизни, об учебе в Тарту, службе в армии, о тяжбах с немецкой университетской администрацией, о борьбе с настигшей его болезнью и своих решениях, как лечиться и как пренебрегать медициной, чтобы чувствовать себя живым и только, до конца. И, конечно, о последних находках по поводу «Пиковой дамы», в которые он вкладывал всю страсть эрудита-филолога и редкий талант онлайн-следопыта. К счастью, книгу комментариев он успел закончить (и собирался заняться «Подпоручиком Куже»).

Он был из тех немногих собеседников, которых хотелось слушать не перебивая, — рассказывай еще, тебя нам вечно мало. Я уговаривал его писать мемуары; жаль, что до этого не дошло.

В моей жизни он играл еще одну драгоценную роль. Он был проницательным и нелцеприятным первым читателем-крити-

Михаил Безродный и Александр Жолковский. Нови-Сад, сентябрь 2007 г.

Фото Л.Г. Пановой

Mikhail Bezrodny and Alexander Zholkovsky. Novi-Sad, September 2007.

Photo by L.G. Panova

ком моих текстов. Благодарностями ему пестрят их публикации, а во многих он анонимно фигурирует в качестве «моего любимого читателя». Я писал с постоянной оглядкой на него, в каком-то смысле — для него.

Еще мы иногда обменивались стишатами в «Стенгазете». Например, я — ему, в ответ на очередной критический отклик: «От других мне халва — что зола, От тебя и хула — пахлава» («Двустиише»; 05.06.2008); он — мне: «Быть может, за стеной Кавказа,

Вдали Италии своей, Устроиться на автобазу И думать о красе ногтей?» («Инфинитивное. AZ по случаю д. р.»; 08.09.2008).

...Утрата огромная для нас всех, а для меня, наверно, самая тяжелая за многие годы — после кончин Сергея Старостина (2005) и Юрия Щеглова (2009).

Но помнится и то везение, та радость, то счастье, которыми были эти дружбы. *О милых спутниках, которые наш свет Своим сопутствием для нас животворили, Не говори с тоской: их нет; Но с благодарностию: были.*

...Вот написал, с интертекстами, кои он так любил... Показать бы ему, да видно нельзя никак, — к Прозерпине и к Персефоне Скайп еще не проведен.

Светлая память.

Александр Жолковский

Последние недели я все время вспоминаю наши не очень частые встречи и разговоры с Мишей (в Москве, Тарту, Мюнхене), каждая из которых оставила яркие воспоминания. Осенью 1995 он проводил урок (по «Незнакомке» Блока) и семинар у меня в лицее «Воробьевы горы», оба занятия были полны тех тонких и точных самого разного уровня филологических замечаний, которые знакомы читателям его книг и статей. Шутки, цитаты, сравнения, соположения и сближения, каламбуры и наблюдения над рифмами, размерами, рассыпанные по книгам от «Конца цитаты» до «Короба третьего», не только удивительно точны и остроумны, но внутри книг, которые как будто составлены из множества разного объема осколочных фрагментов, создают очень важное представление о цельности смыслового пространства европейской культуры, литературы и языка. Предметом наших разговоров в разные годы становились комментированные издания (они же нужны гораздо больше, чем научные монографии, говорил он в 1999). Наверное, очень многие, читая Мишины книги, не могут не почувствовать, что едва ли не на каждой странице мы сталкиваемся кроме всего прочего и с тщательно продуманными «материалами к комментарию» к самым разнообразным текстам.

Мне довелось с женой и дочкой заехать к Ренате и Мише в Гейдельберг меньше чем за три недели до его кончины. — Миша разговаривал с нами, сидя в кресле на пороге своей комнаты. Начал с грустной шутки — «умирающий Тургенев». Но затем